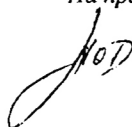

0-775880

На правах рукописи

Шебло Олеся Дмитриевна

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ:
СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ**

Специальность 23.00.02: Политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Екатеринбург

2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им.А.М.Горького» на кафедре теории и истории политической науки

Научный руководитель: доктор политических наук, профессор
Комлева Наталья Александровна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Кузьмин Вадим Александрович

кандидат политических наук, доцент
Чесноков Алексей Сергеевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

Защита диссертации состоится 28 апреля 2009 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.06 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького» по адресу 620000, г.Екатеринбург, пр.Ленина, 51, зал Ученого совета, ком.248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Автореферат разослан 26 марта 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук,
доцент

Багиров

Б.Б.Багиров

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000546219

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. С начала 1990-х годов в мире происходят крупные изменения в расстановке политических центров сил. С 1994 года начала функционировать Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА). Западноевропейские государства, официально оформив создание Европейского союза, перевели взаимные отношения в качественно новую плоскость функционирования на основе введенной с 1 января 1999 года единой валюты. Значительно медленнее протекают процессы регионализации и в другой части света – Азии.

Безусловным ядром сотрудничества в восточноазиатском регионе на современном этапе является Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), основанная в 1967 году подписанием Бангкокской уставной декларации.¹ Это одна из наиболее динамично развивающихся организаций многопрофильного сотрудничества не только в Азии, но и мире. Страны Ассоциации – это преимущественно бывшие колонии прежних империй, в которых после войны произошел переход от аграрной к индустриальной форме производства. Не в последнюю очередь это стало возможным благодаря т.н. программам официальной помощи развитию, осуществлявшихся правительствами развитых государств, главным образом, США и Японии. В случае последней эти программы начинались как выплата послевоенных репараций, но со временем они стали крупной внешнеполитической картой. Во многом благодаря японским прямым инвестициям, объемы которых значительно возросли во второй половине 1980-х годов после подписания соглашения Плаза, Индонезия, Малайзия, Филиппины и Таиланд смогли перейти в категорию новых индустриальных стран. То, что именно АСЕАН оказалась в центре региональной производственной кооперации, имело свое объяснение: в Потсдамской системе отношений очень неоднозначно могли бы быть встречены аналогичные проскты с центром как в Японии (главном союзнике США), так и в коммунистическом Китае. Поэтому, в результате, государства Юго-Восточной Азии оказались «главнейшими ... бенефициариями холодной войны».²

Главное преимущество региона на тот период заключалось в том, что он мог экспортировать в государства Западной Европы и Северной Америки конкурентоспособные промышленные товары. Однако после заключения договора НАФТА эту нишу заняли мексиканские производители. Это стало поводом для пересмотра позиций Ассоциации на внешнеполитической арене, а также указало на существенные издержки внутренних модернизационных курсов: «этот первый со времен индустриальной революции большой и действительно успешный регион начал объединяться во взаимозависимое, но неслиянное сообщество».³

¹ См.: Иванов А. А. Ядро интеграции в АТР // *Международная жизнь*. – 2003. – №2. – С. 42-45.

² Сумский В. АСЕАН и Восточная Азия/ Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом/ Отв. ред. Г. И. Чугурин: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: Наука, 2004. – С. 76.

³ Hellman D. C. A Decade after the Asian Financial Crisis// *Asian Survey*. – 2007. - №6 (December/November). – P. 839.

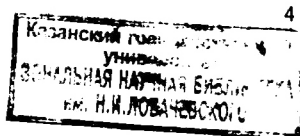
Тем не менее, принцип прагматизма абсолютизировал экономическую составляющую, и стало понятно, что АСЕАН «ищет способы получить выгоды от европейского стиля интеграции, избегая при этом соответствующих обязательств».¹ Издержки экономизма в региональном сотрудничестве сказались в случившемся в 1997-1998 годах финансовом кризисе, который во многом оказался непредсказуем не только для политической и экономической элиты, но и для научной общественности. Причиной этого стало упущение из анализа стратегических, а также структурных предпосылок азиатской кооперации, основы которых были заложены на самых ранних этапах. На сегодняшний день уже стало ясно, что «все участники <азиатских региональных инициатив> разделяют убеждение о том, что наибольшие объемы сотрудничества возможны при наименьшем уровне его институционализации».² Это противоречит практике, как Европейского союза, так и региональных союзов с участием США, и ставит теоретическую проблему о вероятности различных форм региональных политических сообществ.

Степень разработанности проблемы. На протяжении 1970-1980-х годов в англо-американской политической науке абсолютное большинство работ, посвященных региональным процессам, было связано с анализом теории и практики европейского объединения. В их числе можно отметить работы П. Тэйлора «Пределы европейской интеграции», П. Дж. Каценштейна «Малые государства на мировых рынках: индустриальная политика в Европе», «Политический процесс в европейских сообществах» под редакцией В. Уоллеса и С. Узбба, Ч. Пентланда «Теория международных отношений и европейская интеграция», «Европейское спасение для государства-нации» А. С. Милворда и ряд прочих. В них обстоятельно рассматривались противоречия и перспективы политического сотрудничества в Западной Европе. При этом нередкими были и работы, в которых анализировались институциональные аспекты региональной кооперации: можно назвать Дж. Ная «Согласие в частях: интеграция и конфликт в региональной организации», Р. Кеохейна «После гегемонии: кооперация и разногласия в мировой политэкономии», «Международная политика регионов: сравнительный подход» Л. Дж. Кантори и С. Л. Шпигеля.

В 1990-е годы в анализе регионального сотрудничества акцент был перенесен с институциональных на стратегические стороны кооперации. Впервые в монографиях А. Вендта, Э. Пэйна и Э. Гэмбла, В. Кейбла и Д. Хендерсона, Э. Харрела была предпринята попытка в рамках структурно-функционального подхода дать определение регионализма как *проекта* по организации какого-либо географического пространства в категориях политической зависимости. Поскольку на то же время относится и активизация сотрудничества в старых региональных организациях (например, АСЕАН) и появление новых региональных инициатив (таких как НАФТА, различные таможенные союзы Южно-американских государств), то эти отдельные случаи

¹ Hew D., Chin K.W., Lee H.G. The ASEAN Community Roundtable: Report in Institute of South East Asian Studies (Introduction). Singapore: Institute of South East Asian Studies, 2004. – P.12.

² Evans P. Asia's New Regionalism: Implications for Canada. Foreign Policy Dialogue Series: University of British Columbia, 2003. – №3. – P.10.

региональной кооперации получили освещение в работах, выполненных преимущественно по принципу case study: Кохен А. «Новый латиноамериканский и карибский национализм», Б. Бьюзан «АТР: Что за регион, и для какого он мира?», Д. Динун и Э. Кольберг «Вызовы для Ассоциации государств Юго-Восточной Азии», Дж. Рэйвенхилл «Экономическая кооперация в Юго-Восточной Азии».

На вторую половину 1990-х годов относятся и первые попытки осторожного сопоставления этих случаев регионального сотрудничества. Как одну из работ подобного рода следует назвать коллективную монографию «Регионализм и глобальная экономическая интеграция: Европа, Азия и Америки», появившуюся в Лондоне в 1998 году. В ней региональное сотрудничество представлялось как следствие усилившейся производственной специализации и как средство для «подключения к глобализации снизу».¹

Изучение отдельных случаев позволило выделить соответствующие закономерности для теоретических обобщений. Классификацию типов экономического регионализма можно найти в работах М. И. Берфишер, Ш. Робинсон и К. Тьерфельдер «Регионализм: старый и новый. Теория и практика», «Новые регионализмы в глобальной политэкономии» под редакцией С. Бреслина, «Регионализм: старый и новый» Р. Вайринена. В этом ряду следует особо отметить «Новый регионализм и будущее безопасности и развития» под коллективной редакцией В. Хэтта, А. Иноуэ и О. Сункеля, в которой приводится анализ подтипов уже т.н. нового регионализма. Однако каждый отдельный случай регионального сотрудничества получает только самую приблизительную оценку. Из выводов авторов так до конца и неясно, к какому подтипу следует относить, к примеру, случай с организацией АСЕАН: к открытому, девелопменталистскому или т.н. защитному регионализму.

Что касается собственно случая азиатской регионализации, то зарубежные исследователи (главным образом, американские и японские политологи и экономисты) достаточно полно осветили начальный этап регионального сотрудничества, инициированный японским правительством и бизнесом в 1950-80-е годы. В работах Нестера Б., Норта Д., Кадзимы М., Сэкигута С., Ёсихары К. анализируются причины и формы участия Японии в азиатской производственной кооперации. Среди работ отечественных ученых следует отметить кандидатскую диссертацию К. Э. Данилеляна. В ней рассматривался феномен прямых японских инвестиций в 1960-80-е годы. Однако в силу известного идеологического климата (диссертация защищалась в 1988 году) неизбежными в этой работе были некоторые категориальные архаизмы.

Американские исследователи Ямамура К. и Хэтч В. в своей книге «Азия в объятиях Японии», впервые вышедшей в 1996 году и переизданной в 1999 г. уже после АФК, дают обзор азиатской политики послевоенной Японии, привлекая большой статистический материал различных ведомств и

¹ Tussie D. «In the Whirlwind of Globalization and Multilateralism: the Case of Emerging Regionalism in Latin America» in: William D. Coleman and Geoffrey R.D. Underhill (eds). *Regionalism and Global Economic Integration: Europe, Asia and the Americas*. London, Routledge, 1998. P.92.

социологических опросов. Смысловая канва их исследования – доказать, что стратегическая цель всей японской азиатской политики – превратить регион в «мировую фабрику».

При этом даже в англо-американской политологии очень немногочисленны работы, где бы рассматривалось то, каким образом первый этап азиатского сотрудничества, инициированный Японией, отразился на особенностях внешней и внутренней политики государств Восточной Азии. Среди них можно назвать работы К. Джаясурии «Внедренный меркантилизм и открытый регионализм: кризис регионального политического проекта»; Б. Вудалю «Конструкция над Японией: коррупция, политика и общественная активность»; Р. Б. Холла «Дискурсивное уничтожение азиатской модели развития»; М. Х. Ландсберга и П. Беркета «Противоречия капиталистической индустриализации в Восточной Азии: критика теории развития “полет стаи гусей”».

Особенности модернизационных стратегий различных стран региона рассматривались в работах К. Олдса и Х. В. Юна, Е. Хсина, С. Джонса, Р. Круза де Кастро и других. Манипулятивная составляющая теории азиатских ценностей (широко использовавшейся для объяснения авторитарных практик во внешней и внутренней политике азиатских государств) проанализирована у А. Ачарии, К. Джаясурии, М. Барра, С. Лоусена, Дж. Родана, Р. Стаббса.

Отечественные исследователи, сравнительно поверхностно осветив процессы азиатской регионализации 1980 – нач.1990-х годов, новый этап в развитии восточноазиатского региона связывают с теми изменениями в экономическом и политическом климате, которые произошли в результате финансового кризиса 1997-1998 годов. По их мнению, политическое и экономическое сотрудничество в Восточной Азии на начало XXI века все более отстает от принципов открытого регионализма в сторону создания закрытой региональной группировки в духе предложения М. Махатхира.¹ И вызвано это, прежде всего, возрастающим влиянием Китая в мире и регионе. Подобную точку зрения можно встретить, например, в монографии М. А. Потапова под названием «Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии». То, каким образом происходило становление региональных связей главных участников азиатского сотрудничества – АСЕАН, Китая, Японии и Республики Корея, – подробным образом рассматривается в коллективной монографии под названием «Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом», подготовленной Институтом мировой экономики и международных отношений РАН под редакцией Г. И. Чуфрина.

Французские ученые, в свою очередь, много внимания уделяют анализу китайского фактора в региональной и мировой политике. Примером этого можно указать работы Ж. Р. Шапоньера, Б. Курмона, В. Нике, а также работы отечественных исследователей А. Архипова, А. Габуева, Д. Мосякова, В. Михеева, П. Мозиаса, Ю. Саплина-Силановичского и коллективную

¹ Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом/Отв. ред. Г.И.Чуфрин; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: Наука, 2004. – С.8-9.

монографию «Политика Китая в АТР на рубеже столетий». Китайские исследователи (Э. Тзо Чжу Чжэо, Лай Ф. В., Мен Дж., Тондзон Дж. Л.) неизменно указывают преимущественно на те выгоды, которые последуют за углублением сотрудничества АСЕАН с Китаем.

О значимости внешней политики США в политическом процессе в Восточной Азии пишут такие японские авторы как А. Кодзима, Т. Кондо, М. Кохара. Институциональное закрепление азиатского регионализма через различные региональные организации обсуждается в работах С. Кимуры, К. Миуры, Д. С. Хеллмана, Х. Мэна, Р. Сукмы, М. Лейфера, Дж. Хендерсона, А. Абалкиной. То, как решаются вопросы региональной безопасности государствами АСЕАН, подробно представлено в монографии Р. Кумба, выпущенной Австралийским военным колледжем, а также статье А. Коллинса «Попытка решить проблему обеспечения региональной безопасности в асеановской манере». Эти авторы пытаются представить сферу регионального военного сотрудничества как реализацию определенной геополитической стратегии, учитывая при этом культурную составляющую азиатской кооперации.

Когнитивному моменту в политическом регионализме – вопросу взаимного признания и идентичностей – посвящен отдельный блок работ отечественных и зарубежных авторов. Так, проблеме культурного признания азиатских наций посвящены статьи В. Э. Молодякова, И. В. Подберезского, Е. Б. Рашковского, С. В. Чугрова. В основном, эти авторы ограничиваются либо описанием конфликта сегодняшнего дня (территориальные споры, признание военных ошибок), либо же комментируют цивилизационные разночтения ситуации, не уделяя при этом внимания структурному фону региональной коммуникации. До известной степени этот вопрос восполняется работами западных, а также японских и китайских исследователей. Например, Мияги Т. анализирует вклад Японии в послевоенный дискурс азианизма, а Ма Л. признает за обострением японо-китайских отношений как действие случайных, так и культурных, религиозных и манипулятивных факторов. Японский политолог Т. Ога в свою очередь прослеживает, как в рамках именно институционального дискурса в структурах АТЭС был запущен азиатскими лидерами механизм создания региональной идентичности через подчеркивание антагонизма с англо-саксонскими членами Организации. А Дж. Джилсон на примере института официальных встреч ЕС и АСЕАН+3 исследует процесс уже межрегионального признания, которое может действовать и когнитивно: как средство для (ре)идентификации понятия регион.¹ К подобным же выводам приходят и авторы монографии «Транстихоокеанские отношения: Америка, Европа и Азия в XX веке» Р. Дженсен, Дж. Давидан и Ё. Сугита, рассматривая взаимодействие уже трех полюсов сил.

Близкой по теме к нашему исследованию может показаться диссертация А. А. Бреславца «Принцип открытого регионализма как

¹ См.: Gilson J. The New Interregionalism? The EU and East Asia// European Integration. – 2005. – September. – P.307-326.

политическая основа организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества». Однако по причине того, что автором практически не уделяется внимания теоретико-методологическим основаниям для определения политического региона и феномена регионализма, а объектом анализа является все же экономическая, а не политическая кооперация, то основные выводы исследований местами вступают в прямое противоречие друг с другом.

Объектом исследования является процесс регионализации в Восточной Азии.

Предметом исследования является азиатский регионализм в значении набора стратегий и тактик развития Восточной Азии как самостоятельного политического региона.

Хронологические рамки исследования определяются периодом с 1950-х годов по настоящее время. Нижняя граница обусловлена началом активных вложений Японии в создание инфраструктуры азиатских государств через программы официальной помощи развитию. Именно с этого периода можно, на наш взгляд, говорить о начале регионализации японской экономики, которая в дальнейшем стала импульсом для регионального сотрудничества в Восточной Азии.

Географические рамки исследования охватывают Восточную Азию в составе ее двух субрегионов: Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

Цель исследования: представить феномен регионального сотрудничества государств Восточной Азии как политическую стратегию включения в современные процессы глобализации.

Исходя из данной цели, были выделены следующие **исследовательские задачи**:

1. проанализировать значение регионального фактора в основных концепциях глобализации и привести методологические схемы для анализа регионального фактора в процессуальной картине политического мира;
2. дать теоретический обзор основных понятий, используемых в политической науке при анализе региональных процессов (таких как: регион, регионализация, региональная интеграция) и предложить собственное определение политического регионализма;
3. дать типологию политического регионализма, проанализировать теоретическое содержание и практическое воплощение открытого и закрытого типов политического регионализма;
4. рассмотреть, каким образом японская модель децентрализованного государства определила структурные особенности внешней и внутренней политики государств Восточной Азии;
5. проанализировать значение региональной политики Китая, России, США для институционального закрепления азиатского сотрудничества и деятельности таких региональных организаций как Региональный форум АСЕАН и Азиатский банк развития;

6. рассмотреть, каким образом китайско-японские отношения могут влиять на динамику политического сотрудничества и формирование региональной идентичности азиатских наций.

Методологические основы исследования.

Методология исследования обусловлена особенностями предмета и объекта исследования. Комплексное рассмотрение азиатского регионализма предполагает раскрытие его политического, административно-структурного, экономического и культурно-исторического ресурса. Поэтому в решении поставленных задач главным для автора можно назвать структурно-функциональный метод. Он позволяет представить азиатский регионализм как стратегию, являющуюся результатом конкретного выбора политической элиты государств Восточной Азии, главная цель которой – включение региона в мировую систему политических и хозяйственных связей.

Гносеологический принцип социологического конструктивизма, принцип повторного ввода, позволяет объяснить механизм подключения все новых субъектов к региональному сотрудничеству. Только в его рамках становится возможным также представить глобализацию как схему мира, внутренняя связность которого поддерживается за счет воспроизводства различий (политических, административных, культурных, проч.).

Наряду с общенаучными методами использовались также компаративный метод – при сравнительном анализе европейского, американского и азиатского вариантов регионализма, и цивилизационный метод – он позволил полнее раскрыть содержание концепции азиатских ценностей.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. впервые в российской политической науке на основании работ англо-американских, французских и японских политологов дается типология политического регионализма;
2. впервые вводится в научный оборот понятие политического регионализма как набора стратегий и тактик по преобразованию какого-либо географического пространства в категориях административной, идеологической и военно-стратегической связности;
3. впервые выделен и проанализирован один из типов нового регионализма (закрытый) на основании различных толкований понятия «регион»;
4. впервые в российской политической науке анализируется влияние особенностей первого этапа азиатской кооперации на структуру внешней и внутренней политики азиатских государств;
5. впервые доказывается феномен исторической изменчивости видов политического регионализма на примере региона Восточной Азии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Актуализация регионального фактора в политической форме (через создание различного рода региональных союзов) является логическим продолжением процесса глобализации. Поэтому поддержание связности современного мира обеспечивается благодаря воспроизводству различий при условии не сущностного, а смыслового единства функционирования общества;

2. Проект открытого регионализма являлся воплощением на практике методологической схемы структурного функционализма, предполагавшего движение в сторону структурной унификации, а практическая реализация его была связана с регионализацией американской экономики после Второй мировой войны. Определение региона как функциональной общности с всегда открытым членством, потому, оказывалось оправданием неолиберального мультилатерализма и распространения политического и экономического влияния США;

3. Только закрытый регионализм, считая географическое пространство структурной основой сотрудничества (например, в сфере безопасности – как в случае секьюрити-регионализма, или проблем хозяйственного развития – как в случае девелопменталистского регионализма), является собственно политическим проектом;

4. Политический регионализм в Восточной Азии начинался в 1960-е годы в рамках системы биполярного противостояния через создание Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и пытался решить проблему экономического развития в рамках девелопменталистского проекта. При этом т.н. теория азиатских ценностей выступала способом конструирования властного суверенитета во внешней и внутренней политике и до известной степени служила гарантом идеологической самостоятельности региона;

5. Поскольку хозяйственное сотрудничество азиатских стран было запущено регионализацией японской экономики, то оно наследовало и структурные особенности японской модели девелопменталистского государства: экспортогенерируемое развитие обусловило необходимость принятия принципов открытого регионализма в 1990-е годы, а существование неконкурентных отраслей стало причиной складывания феномена политического клиентелизма во внутренней политике;

6. На сегодняшний день глубокая интегрированность восточноазиатского региона в мировую систему политических и хозяйственных связей определяет его зависимость от внешней политики США, которые блокируют инициативы по углублению политического и валютного сотрудничества и вносят разногласия в отношения членов АСЕАН+3. Подключение к диалогу РФ (для стабилизации ситуации на Корейском полуострове и развития инфраструктуры СВА) могло бы внести существенный вклад в реализацию азиатского регионализма как самостоятельного политического проекта.

Практическая значимость. Материалы данного исследования могут быть использованы при подготовке лекционных курсов по политической регионалистике, методологии политической науки, геополитике, теории международных отношений, новейшей истории международных отношений в АТР. Некоторые выводы, содержащиеся в диссертации, могут оказать влияние на планирование дальнейших исследований по политической географии современности.

Апробация работы была проведена в докладах на научно-практических конференциях, по результатам которых были опубликованы тезисы в сборниках материалов конференций, а также в публикациях в рецензируемых научных журналах («Регионоведение» и «Вестник Пермского университета») общим объемом 2 печатных листа. Основное содержание диссертации обсуждалось на теоретических семинарах кафедры теории и истории политической науки УрГУ.

В числе конференций, в работе которых участвовал диссертант, следует выделить Международную научно-практическую конференцию студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», проходившую в МГУ в апреле 2008 года; Международную научную конференцию «Актуальные проблемы современного политического процесса» в Балтийском государственном техническом университете (г.Санкт-Петербург) в феврале 2007 года; Всероссийскую научную конференцию «Мир в Новое Время», организованную факультетом международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, в которой автор принимала участие трижды (в апреле 2006, 2007 и 2008 года); Всероссийскую научно-практическую конференцию «Экономические, юридические, социокультурные аспекты развития региона», проводившуюся Челябинским институтом экономики и права им. М. В. Ладина в марте 2007 года.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав (каждая глава включает в себя по два параграфа), заключения, списка литературы. Содержание работы изложено на 165 страницах, список литературы содержит 261 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** диссертации обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее изученности, указываются хронологические и территориальные рамки, определяется методологическая база работы, формулируются цель и задачи исследования, научная новизна и теоретическая значимость, а также формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе под названием «**Теоретико-методологические основы исследования феномена политического регионализма**» приводятся методологические схемы для анализа регионального фактора в контексте

глобализации, определяются основные категории и понятия для исследования региональных процессов, на основании чего автор предлагает собственное определение политического регионализма и приводит его типологию.

В первом параграфе первой главы рассматривается место регионального фактора в различных концепциях глобализации. Линейная монокаузальная модель общественного развития марксизма предлагала схему капитализма с центром в Европе, Северной Америкой как полупериферией и колониями как периферией, которая была развита в неомарксизме в теорию «коллективного» империализма триады (США, ЕС и Японии). Однако подобная модель регионального группирования, не разделяя национальных и наднациональных акторов, по мнению автора, упускала из анализа связь между политическим интересом и физической географией с одной стороны, а с другой – не рассматривала феномен выхода государственного интереса за национальные границы. В рамках монокаузальной модели структурного функционализма считалось, что производственная дифференциация происходит в направлении адаптационной эскалации: когда, найдя наилучшую производственную технологию, системы начинают к ней приспосабливаться. В такой методологической интерпретации общественного развития глобализация предстает только как функциональная глобализация, т.е. предполагается, что системы пойдут по пути все большей специализации и, как следствие, будут всё более зависеть друг от друга. Однако функциональная глобализация как монокаузальная модель (т.е. отводящая принципу разделения труда центральное значение) не учитывала другие (напр., социально-культурные и экологические) факторы мировой зависимости. М.Вебер, связывая мировое развитие с распространением капиталистической формы хозяйствования и устанавливая ее религиозно-культурный источник первым, на взгляд автора, предсказал культурную конвергенцию – главный тренд мировой истории Нового времени – как процесс американизации. Сегодня наиболее ангажированным вариантом такого подхода является представление глобализации как макдоналдизации: когда причину складывающейся мировой взаимозависимости видят в распространении западных ценностей, квинтэссенцией которых принято считать американскую культуру. Понимание современного политического процесса как процесса американизации может предложить только одну модель политической и экономической географии: как схемы потребностей страны-гегемона – США. Однако современная структура региональных группирований объясняется нередко как раз антиамериканскими инициативами, либо же, вообще, оказывается подчинена собственной логике развития. В числе монокаузальных моделей развития автор отмечает и те теории, которые сводят глобализацию только к техническому измерению. Но в них география мировой взаимозависимости оказывается непредсказуемой, поскольку из анализа упускаются политические, социокультурные и экономические связи. А ведь в реальности приблизительно равные по своей наукоемкости хозяйства, например, Германии, США и Японии движутся не в сторону политического и экономического слияния, а ищут пути актуализации в более близких им региональных контекстах.

По мнению автора, на сегодняшний день процесс глобализации ставит проблему новых институциональных локусов для выражения политического интереса. Интенсификация отношений в сферах культуры, производства и торговли, появление новых субъектов политического влияния (таких как ТНК, различные неправительственные организации типа Гринпис, Организация международной амнистии, проч.) всё настойчивее указывают на закат политического проекта модерна, исходившего из неразрывного единства человека, общества и государства. Главным в нем был принцип совпадения территории и государственного суверенитета. В связи с этим встает проблема теоретического осмысления роли государства – частного, локального фактора, всегда определенного в конкретном географическом регионе – в процессе глобализации. В продолжение модернистского проекта нередко утверждалось, что только определенная разрешительная позиция государства-нации является причиной и залогом процесса превращения мира в единое место. Такое невмешательство позволяло создавать, развивать и поддерживать сеть взаимосвязей детерриториализованных субъектов за рамками национально-государственных авторитетов. Мировой порядок, таким образом, представлял как сумма интересов отдельных суверенных государств. Однако сегодня, как считает автор, не притязания на суверенитет и противостояние наций составляют суть политического процесса, а приоритетной задачей становится включение в систему экономических, культурных, экологических связей мирового общества. Т.е. комплексный характер взаимозависимостей функциональных систем поверх государственных границ заставляет государства-нации делить свой суверенитет с кооперативными транснациональными структурами с тем, чтобы получить возможность организационного формотворчества.

Нередко саму вероятность региональной активности выводят из либеральной культуры толерантности, а также своего рода разрешающей позиции более значимых субъектов политического процесса. Однако отсюда протекает и движение в обратную сторону: заявляется право требовать от частного уступок в пользу общего, подчеркивая тем самым зависимый характер частного. Основываясь на принципе повторного ввода, используемом Н.Луманом в его конструктивистской теории познания, автор доказывает, что глобальный политический контекст в его сегодняшнем свойстве становится залогом для существования локальности во всех ее смыслах. Проявлением потребности в зависимости от частного к общему является регионализация в значении структурного сопряжения общественных систем отдельных государств: политики, права, экономики. Новой формой поддержания мира как единства различного становится региональное блокирование. Логично, что территории с историей интенсивных контактов образуют в себе транснациональные структурные связи. Способом институционального закрепления этих связей сегодня наднациональные союзы. То, что подобные союзы оказываются региональными образованиями, как считает автор, объясняется тем, что структурные связи в них были конституированы через рекурсивную фактичность контактов, имевших не только временную, но

и пространственную протяженность. Поэтому интересы (в том числе, политические) оказываются привязанными пока к конкретному региону. Автор не исключает, что по мере освоения виртуального мира появится какая-то иная форма государства.

Во втором параграфе первой главы автор дает теоретический обзор основных понятий, используемых при анализе региональных процессов (таких как регион, регионализация, региональная интеграция, регионализм) и приводит типологию политического регионализма. Автор указывает, что если такие дисциплины как история, география, культурология работают с регионом как субнациональной общностью – исторической провинцией со сложившимся комплексом культурно-хозяйственных связей, то политология может работать с понятием региона как подсистемы мировой политической системы. Это может быть микрорегион, т.е. регион в рамках отдельного национального государства, либо же макрорегион – когда речь идет о создании наднациональных союзов. Само двухмерное физическое пространство нельзя назвать регионом, поскольку, будучи социальным феноменом, регион всегда предполагает вовлечение общественной системы и характеризуется транслокальными связями между группами людей. По мнению автора, о регионе как политической общности с собственными интересами можно говорить тогда, когда эти интересы оказываются представлены в институциональном – межрегиональном и межгосударственном – взаимодействии.

Как правило, на самую высокую ступень развития помешают регион-государство с отдельной идентичностью и политической самостоятельностью как во внешних, так и внутренних делах. И такую супранациональную общность называют своего рода апогеем развития процесса региональной интеграции. Однако адекватность подобной линейной телеологии, равно как и аксиологические достоинства понятия региональной интеграции вызывают у автора сомнения в силу их изначальной евроангажированности. Дело в том, что в классическом типе рациональности предполагалось, что сущность целого должна проявлять себя в отдельных феноменах и их согласованном движении к общей цели. А поскольку в переводе с латинского «интеграция» – это «восстановление, восполнение», то поэтому впоследствии в политических науках понятие интеграции стало преимущественно использоваться для обозначения либо перспективы единства (равно: политической, экономической, культурной унификации), либо как синоним политического блокирования с определенной целью, либо того и другого взятых вместе. Классическое определение Э.Хааса 1958 года представляет региональную интеграцию как сдвигание национальной активности в направлении нового центра. Т.е. интеграция понимается как форма коллективного действия стран для достижения определенной цели. Неофункционализм также определял региональную интеграцию как результат необходимости перемещения специальных функций из-под государственного контроля в сторону наднациональных институтов и причину этой трансформации видел в возросшей сложности управленческих систем. При этом в неофункционализме существенной остается и доля нормативизма. Многие европейские

исследователи до сих пор утверждают, что там, где сотрудничество в сфере экономической либерализации не сопровождается требованиями демократических преобразований, затруднен переход на институциональный уровень партнерства, а «включение требований демократизации – это хороший показатель оценки того, насколько готовы сотрудничающие страны перейти к структурному взаимодействию, которое целиком является производным от политических норм».¹ Тем не менее, как считает автор, к концу XX века стало очевидно, что цели регионального сотрудничества в третьем мире вообще не касаются политической унификации. Например, АСЕАН провозглашает своим принципом невмешательство во внутренние дела стран-членов и в ее рамках мирно сосуществуют рыночная экономика города-государства Сингапура и режим военной хунты в Мьянме.

Как одну из главных причин эпистемологической непродуктивности теорий региональной интеграции автор называет изначальную аксиологическую окраску самого понятия интеграция. Ведь теоретики европейской интеграции, американские социологи искали в числе прочего и решение проблемы социального отчуждения в ситуации той интенсификации межгосударственного и межконтинентального взаимодействия, которое называется глобализацией. Так, К.Поланьи предлагал рассматривать глобализацию как двунаправленное движение: когда за экспансией и углублением рынка следует политическая интервенция в виде инициатив по институционализации сотрудничества для защиты внутренней социальной связности. Как ценностно-нейтральный синоним понятия «интеграция» автор предлагает использовать понятие «регионализация» для передачи комплекса процессов формирования регионов. В этом смысле оно будет созвучно глобализации как превращению мира в единое место. В то же время процессы превращения какой-то географической зоны в регион (языковой, этнический, экономический, политический) могут соответственно являться объектом исследования отдельных наук: языкознания, этнологии, экономики, политологии. В том, что касается последней, то, по мнению автора, предметом ее анализа является регионализация как институциональное закрепление интересов политических и экономических акторов.

В российской и зарубежной политической науке, пишет автор, нередко смешиваются понятия регионализации и регионализма. Политический регионализм либо сводится до противостояния центра и периферии, инициированного региональными лидерами, и рассматривается потому, фактически, как форма социального раскола,² либо же представляется результатом действия безличных рыночных сил, формирующих функциональные регионы. Вместе с тем, на взгляд автора, при рассмотрении феномена политического регионализма важен анализ не только структурно-функциональных, но также и субъектно-волевых факторов. Поэтому автор

¹ Duc C., Granger C., Siroen J.M. Commerce et Preferences. Les Effets d'une Clause Democratique// Revue Economique. – 2007. – September. – P. 1072.

² Киттинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. – 2003. – №6. – С.78.

вводит определение политического регионализма как набора стратегий и тактик по преобразованию какого-либо географического пространства в категориях административной, идеологической и военно-стратегической связности, являющегося результатом выбора региональных и международных субъектов политического интереса, позволяющий региону подключиться к процессам глобализации и функционировать как подсистема в мировой системе политических и хозяйственных связей. С одной стороны тем самым автор подчеркивает взаимную направленность глобальных и региональных политических инициатив (важный тренд современного политического процесса), а с другой – избегая известного деления на внутригосударственный и международный регионализм, указывает на феномен транснационализации политического интереса.

В рамках методологической схемы т.н. старого регионализма региональное сотрудничество представлялось как: 1) реализация национального интереса в какой-то отдельной сфере (как правило, в контексте биполярной системы это была сфера военной безопасности или торговли); 2) как начало формирования новой государственной общности (примером этого можно назвать первые этапы монетарной интеграции ЕС). Появившиеся в конце XX века новые стратегии регионального сотрудничества (т.н. новый регионализм) расширяют круг акторов (теперь это не только государство, но и экономические элиты, правозащитные и экологические НПО). Они преследуют одновременно много целей и исходят из соображений комплексной взаимозависимости политико-экономических, социально-культурных и экологических факторов. Новый регионализм не ставит своей целью как поиск институтов для выражения национального интереса, так и конструирование новых государствоцентричных общностей. Напротив, появившись в контексте глобализации как попытка альтернативной защиты от нее, по мнению автора, он пытается решить дилемму между детерриториализацией экономической и военной ответственности с одной стороны и правами человека и гражданина – с другой.

На основании различных толкований понятия «регион» автор предлагает понятие закрытого регионализма как антитезу проектам открытого регионализма. Поскольку последний был изначально связан с торговой политикой США и конструированием такого мега-региона как АТР, то в рамках него предполагаются наиболее размытые критерии региональности: фактически в такой регион принимаются все страны (вне зависимости от физической географии), признающие неоллиберальные правила игры. Автор доказывает, что для открытого регионализма регион – это не физическое и не культурное, а только политико-экономическое пространство. Тогда как проекты закрытого регионализма, признавая значимость социальных процессов в складывании регионов, тем не менее, не порывают окончательно с физическим пространством – оно признается началом культурной (как в случае ЕС) зависимости, либо же зависимости проблем безопасности (в том, что касается примеров секьюрити-регионализма, т.н. защитного регионализма). Поскольку привязка к физическому региону предполагает все же какое-то конечное число

стран для сотрудничества, автор и предлагает называть этот вид регионализма закрытым, в противоположность открытому регионализму с его всегда вакантным членством. Как особый вариант закрытого регионализма автор выделяет деволюционалистский регионализм, который ставит своей целью региональное сотрудничество не для создания внутреннего рынка (как в случае институциональной интеграции ЕС), а для совместного освоения и завоевания внешнего политико-экономического пространства. Признавая неолиберальные правила игры, он, тем не менее, старается использовать их как шанс для решения внутренних проблем развития и безопасности.

Вторая глава называется «**Специфика политического регионализма в Восточной Азии**». Ее главная цель – представить исследовательские проблемы по блокам: от производственной активности японских предприятий (и то, какие следствия остаются от этого по сей день), через то, как происходило теоретическое определение азиатского регионализма на Западе, и то, какие ответы пыталось дать академическое сообщество самой Азии, к существующим на сегодняшний день проблемам в региональном политическом сотрудничестве.

В первом параграфе второй главы автор анализирует региональную кооперацию в Восточной Азии в период с конца 1950-х годов до азиатского валютно-финансового кризиса 1997 г., разбирает ее структурные связи, а также особенности теоретико-методологической интерпретации.

После Второй мировой войны оказавшись безоружной и побежденной, Япония провозгласила свою экономическую безопасность главным императивом внешней политики. В ситуации же совершенного упадка после колониального господства оказались почти все государства региона. Поэтому с целью снятия социальной напряженности и предотвращения политического кризиса Япония разделила часть ответственности по восстановлению их экономической инфраструктуры. Начавшись как выплата послевоенных репараций, официальная помощь развитию со временем стала значимым фактором во внешней и внутренней политике. Свое дипломатическое выражение этот этап сотрудничества нашел в т.н. доктрине Фукуды, в рамках которой Япония обязалась строить с АСЕАН отношения взаимного доверия на основе понимания «от сердца к сердцу». Однако до конца 1980-х гг. азиатское сотрудничество считалось эпифеноменом, производной от экономики. Но наступивший после холодной войны кризис классического реализма в теории международных отношений, по мнению автора, во многом изменил эту ситуацию. На фоне начавшихся волнений в отдельных частях бывшей советской империи практика невмешательства государств-членов АСЕАН во внутреннюю политику друг друга получила самые высокие оценки. Именно с того момента заговорили о политической культуре Азии как культуре консенсуса, ориентированной на установление гармоничных отношений с партнерами. Сам политико-экономический феномен азиатского сотрудничества стали определять как «один из самых удачных экспериментов регионализма в

развивающемся мире»¹, а т.н. «азиатский стиль» характеризовали «высокой степенью осторожности, <принципом> прагматизма и целесообразности».²

В свою очередь, появляется в середине 1990-х гг. теория азиатских ценностей как результат разработок уже местного академического и политического сообщества. Одним из первых внимание привлек премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю, который в одном из интервью противопоставил восточную цивилизацию западной. Член японского парламента Я.Сиодзакэ описывал азиатские ценности следующим образом. Во-первых, для Азии общественная гармония – это главная ценность и приоритет развития, поэтому ряд социальных стандартов может быть пересмотрен для её достижения. Во-вторых, это превосходство общественного сознания над частным. При этом культивируется чувство личной ответственности за групповой успех. Поэтому азиатский идеал – это, прежде всего, идеал патерналистского государства и большой семьи.

Автор доказывает, что азиатские ценности были и остаются удобным инструментом политического контроля в восточноазиатских государствах. Понятия гармонии и дисциплины помогали азиатским лидерам подавлять любые формы политической оппозиции и оправдывать факты нарушения прав человека. Ссылаясь на азиатские ценности, нередко пытались размыть границу между внешней и внутренней политикой. Внешнюю политику пытались оправдать, представить ее продолжением внутренней. В частности, в международных скандалах азиатские лидеры неоднократно оговаривались этой культурной концепцией. Также, по мнению автора, ссылка на азиатские ценности позволила провозгласить не-политический подход к внутренней политике. Президент Южной Кореи Чжун Д.Х. и сингапурский премьер Ли Куан Ю поставили конфуцианскую семью краеугольным камнем общественной организации с тем, чтобы отчасти таким образом облегчить нагрузку на социальные статьи бюджета. И, действительно, воплощение схемы того, что некоторые исследователи называли респонсбилитаризмом (можно перевести как «этика ответственности»), позволило сократить расходы на социальный сектор, понизить уровень налогообложения и перенаправить освободившиеся средства на создание инфраструктуры, образование и здравоохранение. Вдобавок это позволяло списывать такие проблемы как бедность и общественное неравенство к моральным, а не политическим дефектам общества.

Как считает автор, институциональное развитие АТЭС во многом способствовало появлению антагонизма по принципу культурного различия, а сам проект азиатских ценностей изначально возник как политическая программа, призванная обеспечивать региональную солидарность, интровертивная по своей сути. Автор доказывает, что представить ее как научно-исследовательский проект в рамках азиатской культуры было не очень

¹ Acharya A. A New Regional Order in South-East Asia: ASEAN in the Post-Cold War Era//Adelphi Paper 279. Oxford: Oxford University Press/IISS, 1993. – P.3.

² Acharya A. Ideas, Identity and Institution-Building: from the "ASEAN-Way" to the "Asia-Pacific-Way"//Pacific Review. – 1997. – March. – P.329.

сложно: если западная наука отличалась изначально определенной изоляционистской позицией, т.е. она сознательно отстояла от профессий, имеющих непосредственное отношение к созиданию политического процесса, то в конфуцианской традиции методологическая рефлексия всегда оказывалась оборотной стороной политического творчества. Поэтому для государств Восточной Азии всегда была характерна бюрократизация науки и медиа-средств.

Тем не менее, по мнению автора, отсутствие самостоятельной методологической традиции в изучении политического процесса в Восточной Азии стало причиной того, что случившийся в 1997 г. финансовый кризис и последовавшие за ним структурные преобразования АСЕАН оказались совершенно неожиданными для академических кругов. Прежние достоинства азиатской модели развития стали представлять как пороки: долгосрочное планирование стало считаться искажением законов рынка, высокий процент сбережений в структуре национальных хозяйств был объявлен тормозом полноценному потреблению, а непрозрачность связей между бизнесом и госаппаратом – причиной коррупции. Тогда как, доказывает автор, структурные особенности региональных связей, а также стратегические установки, заложенные еще первым этапом сотрудничества, который инициировала Япония, до сих пор значимы для азиатских стран. Понятие внедренного меркантилизма хорошо передает суть первых этапов восточноазиатской регионализации, поскольку внутренние, национальные коалиции структурировали, в том числе, и международные отношения в регионе, а набор соглашений между торговым и неторговым секторами можно считать тем, что заводило и заводит внутренний мотор азиатского регионализма. Поэтому, по мнению автора, до конца 1990-х гг. восточноазиатский регионализм преследовал своей целью в действительности не столько создание внутреннего рынка, как это предполагали бы классические теории интеграции, сколько совместное освоение и завоевание экспортных рынков.

Принципиальная черта политической экономики девелопменталистского государства в его японском варианте, утверждает автор, была связана с образованием сегментированной внутренней экономики. Наряду с ориентированными на экспорт, конкурентоспособными на международной арене отраслями существовали экономически недееспособные отрасли, поддерживаемые государственными субсидиями. Наличие таких неконкурентоспособных секторов экономики и определило сосуществование двух различных форм государства: одно – девелопменталистское, ориентированное на выстраивание долгосрочных международных стратегий; а второе – клиентелистское, исходящее преимущественно из внутривнутриполитических потребностей. Также важно и то, что первый этап азиатского сотрудничества, инициированный Японией, определил и особенности структуры самих региональных связей. На сегодняшний день происходит перераспределение центров региональной активности, поскольку структурная потребность в экономическом лидере, на взгляд автора, стала причиной возвышения Китая в региональной и мировой политике.

Во втором параграфе второй главы автор выделяет основные тренды развития политического регионализма в Восточной Азии. Первый тренд автор связывает с усилением роли Китая в региональном политическом процессе. Сотрудничество Китая с АСЕАН сегодня является важной политической картой, поскольку служит доказательством его мирного, никому не угрожающего роста, концепция которого появилась после визита Чжэн Бидзяна в США в 2002 году. В свою очередь, государства ЮВА могут рассчитывать на преимущества в выходе на внутренний китайский рынок, а также на льготную торговлю Китая с наименее развитыми странами региона – Мьянмой, Лаосом и Камбоджой. При этом можно говорить даже об идентичности стратегий Японии и Китая в отношении АСЕАН. Нередко регионализация и глобализация рассматриваются сегодня Пекином как дополняющие друг друга процессы. И поэтому растущую интеграцию Китая с восточноазиатскими соседями отдельные исследователи называют «глобализацией китайской экономики». Однако исследования внерегиональной активности Китая (в частности, его сотрудничество с Австралией, Индией и Африканским континентом) заставляют делать вывод о его ориентированности на построение самостоятельного производственно-экономического комплекса.

Для продвижения сотрудничества в Восточной Азии, по мнению автора, немалую трудность сегодня представляет и определение политического статуса Китая в мире. Для того чтобы претендовать на статус сверхдержавы не достаточно, чтобы страна просто была крупной и динамично развивающейся экономикой, нужно, чтобы она была еще и интегрирована в систему политических отношений и разделяла соответствующие обязательства. Особенность ситуации с Китаем заключается в том, что это по-прежнему бедная (в показателях на душу населения), не маркетизированная страна, с фактически авторитарной системой власти. Поэтому понятна обеспокоенность мирового сообщества по поводу того, сможет ли Китай разделить соответствующую системную ответственность, причитающуюся статусу сверхдержавы. В этой связи установление Китаем регионального партнерства становится объектом дополнительной критики. В особенности, региональная и трансрегиональная активность Китая пугает США и заставляет их активизировать военное сотрудничество с государствами Восточной Азии и южной акватории Тихого океана. Дело в том, считает автор, что если такие черты азиатского регионализма как ориентированность экономики на экспорт и зависимость, потому, от экономической конъюнктуры Запада, преимущественно способствовали принятию принципов открытого регионализма, то создание в Восточной Азии закрытой региональной группировки прямо противоречит интересам здесь США. В субрегионе Северо-Восточной Азии последние, поэтому, используют в своих целях два латентных конфликта (тайваньский конфликт и проблему денуклеаризации КНДР), выстраивая фактически систему отношений в парадигме неореализма.

Именно с сосуществованием двух моделей сотрудничества: транснациональной кооперации (ее предлагает ЮВА) и межгосударственной конкуренции (по этому пути идут государства СВА) автор связывает второй

тренд в развитии восточноазиатского регионализма. Издержки второй модели автор предлагает проследить на примере китайско-японских отношений. Суть соперничества двух восточноазиатских соседей сегодня сводится к тому, кто успешнее и быстрее из них сможет войти в систему региональной кооперации через сотрудничество в формуле АСЕАН+1. Тогда как сейчас наиболее адекватным и полезным для развития региона было бы совместное лидерство Японии и Китая на основе конструктивного диалога. Очень сложно происходит на сегодняшний день взаимное политическое признание этих двух региональных лидеров. Пережив унижение войны, издержки маоизма Китай представляет сегодня свою позицию в отношении прошлого (даже недавнего) как абсолютно верную. Плюс, воодушевленный на протяжении 25 лет экономическим ростом, он набирается сейчас великодержавных настроений. Элита, не стесняясь, раздувает лозунги ограниченного национализма типа «великого возрождения китайской нации», что неизменно подогревает в японском обществе рассуждения о китайской угрозе. Однако роль посредника в согласовании интересов этих двух держав уже берет на себя АСЕАН, которая неизменно предлагает новые институциональные инициативы для развития регионального диалога.

Третий тренд в развитии восточноазиатского регионализма автор связывает с тем, что окончание Вьетнамской войны переносит фокус в вопросах региональной безопасности с внешних угроз на внутренние, и на первый план выходят аспекты политического, экономического, социального и экологического сотрудничества. Для обсуждения их был создан Региональный форум АСЕАН, идея которого появилась вскоре после образования АТЭС, а институциональное оформление происходило параллельно с образованием НАФТА. Целью создания РФА провозглашалась разработка механизмов решения конфликтов, но под нажимом Китая первоначальная формулировка цели была изменена на менее обязывающую «разработку *подходов* к конфликтам». Однако уже в июле 1997 года на высшем министерском заседании АСЕАН премьером Малайзии И.Анваром была впервые озвучена стратегия «конструктивного вмешательства» в отношении ситуации во Вьетнаме и Камбодже. То есть, заключает автор, если раньше институты региональной безопасности ставили своей целью осуществление мер по развитию взаимного доверия, то с появлением угроз региональной целостности наметился переход к механизмам превентивной дипломатии. С той же целью был разработан и концепт т.н. «мягкого вовлечения», который был поднят впервые Таиландом при вступлении в АСЕАН Мьянмы (1997 г.) – в рамках него предполагается, что региональные субъекты могут быть вовлечены в диалог не по всем, а только по отдельному кругу вопросов. В частности, сегодня он активно используется для регулирования восточнотиморского конфликта. Удачным предложением для отстранения США от региональной политики, по мнению автора, является одно из трех условий к участию в Ассоциации: требование о подписании Договора о мире и дружбе с АСЕАН, делающего акцент на мирном, невоенном характере сотрудничества. Отказ Пентагоном подписывать этот Договор стал причиной отсутствия США на Саммитах восточноазиатских государств – новой структуре регионального

партнерства. Подключение России к региональным инициативам могло бы, на взгляд автора, немало способствовать стабилизации политических отношений в регионе (в особенности, в том, что касается США) и реализации Азии как идеологически самостоятельного проекта, исключая тезис США об открытом регионализме.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационной работы, формулируются общие выводы, а также намечаются перспективы дальнейшего исследования феномена азиатского регионализма.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. Проблема категориального определения региональных процессов: феномен азиатского регионализма.//Регионология. – 2008. – №4. – 16-26 с., 0.55 п.л.
2. Проблема методологической интерпретации политического процесса в Тихоокеанской Азии: сравнительный анализ подходов азиатских и западных исследователей.//Вестник Пермского университета (Серия «Политология»). – 2008. – Выпуск 2. – 131-136 с., 0.45 п.л.

Статьи в научных сборниках:

3. Роль Японии в интеграционных процессах Восточной Азии.//Мир в Новое время: Сборник материалов Восьмой конференции студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам мировой истории XVI-XXI вв. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2006. 130-135 с.
4. Национальные интересы Японии и азиатский интеграционный процесс. //Актуальные проблемы современного политического процесса: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 15 февраля 2007. СПб: Балтийский государственный технический университет, Ч.2. 275-279 с.
5. Азиатская интеграция: новые вызовы японскому присутствию на рынках развивающихся стран.//Экономические, юридические, социокультурные аспекты развития региона: Под ред. В.Н.Ни. – Челябинск: НОУ ЧИЭП им.М.В.Иадошина, 2007. 171-174 с.
6. Тенденции глобализации и регионализации сквозь призму социологического конструктивизма.// Материалы 11-й Международной конференции памяти Л.Н.Когана. Сборник работ студентов, магистрантов и аспирантов. Ч.IV – Екатеринбург, 2008. 32-35 с.
7. Особенности методологической интерпретации политического процесса в Тихоокеанской Азии (1990-е годы).//Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»/ Отв. ред. И.А.Алешковский, Н.Н.Костылев. – М.: Изд-во МГУ; СП Мысль, 2008. 55-56 с.
8. Особенности методологической интерпретации политического процесса в Тихоокеанской Азии (1990-е годы).// Глобус: Научный студенческий альманах факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова Вып. I /Под ред. Абылгазиева И.И., Ильина И.В. - М.: ФГП МГУ, 2008. 33-43 с.

9. Расцвет и закат асеанологии: короткий тихоокеанский век западной политической науки.// Сборник материалов Десятой всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам мировой истории XVI-XXI вв. Санкт–Петербург: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2008. 244-247 с.

Подписано в печать – 23.03.2009. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,46. Тираж 100 экз. Заказ 37
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ».
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

10 -